

ПРОЛОГ

Лето 2000 года

У двадцати процентов женщин случаются выкидыши. Восемьдесят процентов из этих двадцати теряют ребенка в первые двенадцать недель беременности. Если вы старше тридцати, вероятность выкидыша для вас равна по меньшей мере двенадцати процентам, и с каждым годом эта цифра растет.

Такие статистические данные и многие другие я могу привести по памяти, так как изучала их без конца с тех самых пор, как мы только начали свои попытки, а это было больше пяти лет назад. За долгие годы я провела бесчисленное количество часов в библиотеке и в Интернете, надеясь найти информацию о каком-нибудь новом исследовании или лекарстве, которые повысят мои шансы доносить плод и родить здорового малыша. И раз за разом подтверждалось одно и то же: на одного рожденного младенца приходится множество тех, кому не суждено пройти стадию внутриутробного развития; на каждую женщину, качающую на руках дитя, найдется та, что с тоской мечтает услышать детский плач, чтобы было кого утешать; на каждую пару, благополучно ожидающую прибавления семейства, имеются те, кому никогда не стать родителями.

Я не свожу глаз с зажатой в руке распечатки эхограммы. Переворачиваю ее другой стороной, затем вверх

ногами. Я уже наизусть помню рисунок черно-белых волнистых линий вокруг единственного портрета моего ребенка, которым мне приходится довольствоваться. Мысленно я расцвечиваю изображение недостающими красками и воображаю, что жидкость, в которой он (или она) плавает, — чистая, теплая, как в ванночке. Мне уже кажется, что колеса пригородного поезда вместо привычного скрежета теперь издают совсем другие звуки, похожие на симфонию, убаюкивающую мое дитя. Страх, пронизывающий каждую клеточку моего тела, не в силах пробиться к матке. Мой малыш живет в мире счастья и радости, его ждет безоблачное будущее.

— Джайя. — Дверь кабинета приоткрывается — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы моя стажерка Элизабет могла просунуть голову. — Звонок от Патрика. — С недоумевающим видом она смотрит на мой телефон с двумя мигающими огоньками. — Я вам звонила, но никто не отвечал.

— Прошу прощения, заработалась над статьей, сейчас отвечу, — киваю я.

Элизабет бросает взгляд на черный экран моего монитора, но ни о чем не спрашивает. Если честно, я не слышала ни телефонного звонка, ни стука в дверь. Дождавшись, когда она удалится, беру трубку:

— Патрик?

— Привет, детка.

Голос мужа знаком мне, как мой собственный. Мы ведь начали встречаться еще в колледже, а поженились восемь лет назад, и за это время я отлично изучила все его интонации и их значение. По торопливому приветствию догадываюсь, что Патрик не отрывает взгляда от экрана компьютера, а трубку прижимает к уху плечом. Дело к вечеру, следовательно, он наверняка допивает пятую чашку кофе. В юридической школе муж пытался бросить эту привычку, и ему это даже удалось. Однако у же

в первый год работы в крупнейшей адвокатской фирме Нью-Йорка его ежедневная доза увеличилась до шести, а когда и до восьми чашек в день.

— Хочешь, возьмем сегодня китайской еды навывнос? — спрашивает он.

Фоном я слышу, как Патрик барабанит по клавишам, а потом шуршит бумагами.

— А можно обойтись бургерами с жареной картошкой. Опять, — добавляет он с шутливым намеком.

Если мы сегодня поужинаем бургерами, это будет уже четвертый раз за неделю: с начала беременности, то есть уже четырнадцать недель подряд, мне ужасно хочется питаться только ими и ничем другим. В прошлый раз меня всю беременность тянуло на итальянскую еду, а в позапрошлый вообще аппетита не было, потому что беспрестанно тошнило.

— Патрик. — Мои пальцы сжимаются, крепко стискивая снимок. Другой рукой я до боли прижимаю к уху трубку. — У меня... — Я умолкаю, не зная, как это выговорить.

Он прекращает печатать и тяжело вздыхает.

— Джайя...

Я слышу в его голосе тоскливую нотку, и дыхание у меня перехватывает. Больше ничего не нужно говорить — он уже все понял.

— Ты звонила врачу?

— Нет еще, — шепотом отвечаю я.

— Когда началось кровотечение? — Голос у него уже другой — так он говорит, когда выступает в суде.

А мой голос слабеет и наконец становится еле слышным. Это наш с Патриком танец — за эти годы нам волей-неволей пришлось его разучить. С каждым па я все хуже держусь на ногах, зато муж делается сильнее.

Никогда не думала, что стану такой. Но ведь жизнь редко соответствует нашим ожиданиям, это я уже поняла.

Вот Патрик — исключение из этого правила. У него все всегда идет по плану. Прирожденный адвокат, он весь оживает, когда произносит речи перед скушающими судьями и колеблющимися присяжными. Классическая представительная внешность, солидный голос и острый ум уже помогли ему выиграть столько дел, что по итогам голосования он стал одним из самых молодых партнеров в истории своей юридической фирмы. Именно этого он и ждал, это и планировал сразу после окончания юридической школы.

А я выбрала журналистику. При моей любви к письменному слову в сочетании с одержимостью фактами и цифрами это была для меня идеальная профессия. Мама тогда еще разочарованно спросила — почему не медицина?..

— Два часа назад, — признаюсь я и жду ответа, чтобы понять по его манере, кто он сейчас — адвокат, просто мужчина или безутешный отец.

— Я буду ждать тебя у врача, — говорит Патрик, и голос у него резкий. — Там увидимся.

Значит, все еще адвокат. Такой настрой поможет ему всецело сосредоточиться на медицинских аспектах и принять как факт то, чего я принять не в состоянии. Я с завистью думаю о том, какой он сильный, и отчаянно пытаюсь собраться с силами, но ничего не выходит, и я вешаю трубку, прежде чем мы успеваем что-то еще сказать друг другу.

Не желая расставаться со снимком, заталкиваю его в карман брюк, чтобы не потерять. Затем провожу рукой по животу в надежде, что оттуда последует знак, что все в порядке. И тогда отпадет необходимость бежать к доктору и с тревогой ждать ее вердикта. Я убеждаю себя, что мое дитя спокойно сидит в матке и, когда придет время, благополучно появится на свет. Жду, жду... но знака нет — никакого, даже слабого намека, и тогда

я выключаю компьютер и задвигаю кресло под стол. Щелкаю выключателем — кабинет погружается в темноту — и выхожу за дверь.

Я через силу открываю глаза после наркоза. Часто моргаю и теперь уже ясно вижу Патрика с врачом-акушером, тихо беседующих в углу.

— Ей не менее недели будет необходим постельный режим, — говорит врач Патрику. — Ничего тяжелого не поднимать, не перенапрягаться.

— Когда можно будет попытаться снова? — с трудом выговариваю я, преодолевая слабость.

Они разом оборачиваются — в изумлении от того, что я так быстро пришла в себя.

— Сколько месяцев ждать?

Они переглядываются, и мне становится ясно, что этот вопрос уже обсуждался.

— Дорогая, давай сначала позаботимся о тебе. — Патрик подходит ко мне и гладит по голове.

— Пожалуйста, скажите когда? — Слова вылетают у меня изо рта с жалобным звоном, словно осколки стекла.

После предыдущей беременности мы ждали полгода. Патрик склонялся к тому, чтобы подождать еще, но мне не терпелось взять на руки любимое дитя. Каждая беременность — это растянутые на месяцы ЭКО-процедуры, уколы, лекарства и подробно расписанный календарь овуляции. После всего этого каждый выкидыш становился горьким разочарованием, которое нужно было как-то пережить, хотя оно никак не хотело укладываться в голове.

— Во время выскабливания произошла перфорация матки. — Врач бросает взгляд на цветную диаграмму, висящую на стене, и только потом смотрит мне в глаза. — Это редко, но случается.

— Вам удалось зашить разрыв? — Горло перехватывает от горя, мне не хватает воздуха.

— Да. Шов небольшой. Все должно полностью зажить без осложнений. — Она говорит о моем будущем так, словно я какой-нибудь научный проект: короткими рублеными фразами, без всяких эмоций.

— Что это означает для нас? — спрашиваю я.

— Что вам придется подождать с зачатием по меньшей мере год, — произносит она безапелляционным тоном, против которого все во мне восстает. — Мы будем контролировать, как идет процесс восстановления, но в большинстве случаев рекомендуется именно такой срок.

— Должен же быть какой-то другой выход! — Отчаяние охватывает меня, словно петлей, и эта петля затягивается так туго, что все тело немеет. После трех выкидышей и штормового прилива эмоций я ищу, за какую бы соломинку ухватиться, и не нахожу. — Может быть, есть какие-нибудь средства, ускоряющие процесс?

— Джайя... — Патрик проводит рукой по волосам и, тяжело вздохнув, произносит: — Давай поговорим об этом после, хорошо?

Прежде чем я успеваю ответить, Патрик быстрым шепотом что-то говорит доктору. Она кивает и выходит из палаты. Я гляжу ей вслед и комкаю в пальцах больничную простыню, но больше ничем не выдаю своего безысходного горя.

— Как ты себя чувствуешь? — Патрик опускает поручень кровати и садится рядом со мной.

Боль обжигает живот и поясницу. После каждого выкидыша нам называли кучу причин, почему мой организм отказывается доншивать ребенка, но никто ни разу не сказал, что с этим делать.

— Это же простое выскабливание. — Я высчитываю в уме, сколько времени теперь пройдет от начала нового

цикла ЭКО до собственно беременности, и в отчаянии решаюсь на новый план. — Нам нужно найти другого врача. Может быть, целый год ждать не придется.

— Дорогая... — Патрик ждет, когда наши взгляды встретятся, и только тогда договаривает: — Давай пока думать о твоём выздоровлении. Остальное успеется.

— Нет! Я наведу справки о разных врачах и выберу самого лучшего. — Я почти не слушаю его: в голове у меня бурлят все новые и новые идеи. Планы помогают отвлечься от реальности. — Наверняка папа кого-нибудь знает.

— Я против обращения к другому доктору, — медленно произносит Патрик.

— Почему?! — В волнении я привстаю на кровати.

— Потому что не знаю, хочу ли этого...

ДЖАЙЯ

2000 год, три месяца спустя

1

Когда мне было пять лет, я стала выпрашивать у мамы собачку. Все равно какой породы, без разницы — большую или маленькую. Просто хотелось иметь родное существо, чтобы было кого любить и крепко-крепко обнимать. И мама сделала мне сюрприз: через три дня после моей последней просьбы щенок уже сидел, привязанный за поводок, и ждал меня. Лучший в мире щенок! Я таскала его с собой повсюду и каждую ночь засыпала с ним в обнимку. Через несколько месяцев песик выскочил со двора и пропал. Я сидела на кровати и плакала часами напролет, а мама стояла в дверях моей комнаты и молча смотрела на меня. Наконец, совсем обессилив от горя, я уснула. Только наутро я поняла, что мама заходила ночью — укрыть меня одеялом и погасить свет. О моей утрате она не проронила ни слова.

Я гляжу, как бьется о камни вода. Где-то вдалеке раздается гудок — это подает сигнал корабль, идущий по Гудзону. Поплотнее закутываюсь в куртку. Вес, набранный за время беременности, ушел, и вместе с ним исчез согревающий слой, которого мне сейчас так не хватает.

Холод пробирается под шерстяную ткань, и меня колотит дрожь.

Я снимаю темные очки и запрокидываю лицо вверх, к солнцу, выглядывающему из-за туч. Еще только октябрь, но температура заметно упала, словно предупреждая: скоро зима. Я не боюсь ни холода, ни снега. Это законный повод закутаться в несколько слоев одежды и спрятаться от всего мира. Еще недавно я не думала, что собственное общество станет для меня предпочтительнее любого другого, но кто же знал, что жизнь так повернется.

Я засовываю ладони под себя и откидываюсь на спинку скамьи. Сижу, слушаю сигналы автомобилей и оглушительные судовые гудки и радуюсь передышке: эти звуки заглушают неумолкаемое эхо печали в голове.

— Прости, я опоздал.

— Все в порядке, — говорю я, не оборачиваясь, хотя мы оба знаем, что это ложь. Все совсем не в порядке и неизвестно, будет ли в порядке хоть когда-нибудь. — Как дела на работе?

— Все в порядке.

Вот, значит, что нам теперь осталось — повторять друг за другом, как попугаи. Патрик усаживается рядом со мной на скамью. Ветер треплет у него надо лбом темные волосы. Шея обмотана шарфом, купленным мной две зимы назад. Я быстро приспособилась подбирать ему вещи. Знаю и его любимую марку обуви, и какие фасоны галстуков и костюмов ему нравятся. За то время, что прошло от ухаживания до брака, мы узнали друг друга так, как никто другой не смог бы. Но все эти годы, что мы провели бок о бок, не научили нас справляться с горем.

— Хорошо. — Я отворачиваюсь и снова смотрю на воду: может быть, ответы на мои вопросы скрываются где-то там, в глубине? — Это хорошо.

Он накрывает мою ладонь своей, и наши пальцы сами собой сплетаются. Мои глаза неуверенно встречаются с его глазами. После выскабливания прошло три месяца. Все это время мы почти не разговаривали друг с другом.

— Помнишь наш первый день на первом курсе? — Он не ждет моего ответа. — Как ты вошла — волосы стянуты в пучок и из них торчит карандаш. На тебе еще были рваные джинсы и футболка с надписью: «Если с первого раза не вышло, значит, парашютный спорт не для тебя».

— Ага, обожала эту дурацкую футболку. — Я ее выбросила, когда мы съехались с Патриком, сразу после колледжа. Она к тому времени уже продырявилась под мышкой, и стрелка пошла до самого плеча. — А вот тебя парашютизм как-то не увлек.

— Это было моей ошибкой — дать тебе выбрать место второго свидания. — Его пальцы сжимаются крепче.

Я не могу удержаться от ответного пожатия, радуясь теплу ладони Патрика.

— Если бы я знал...

— Неужели отказался бы? — Я напряженно смотрю ему в глаза и жду ответа. Я знала, что он нервничал в тот день, но ведь все-таки надел костюм для прыжков и выскочил из самолета без единого слова протеста.

— А если бы отказался, ты больше не пошла бы со мной на свидание? — спрашивает он.

— Я ужасно любила прыжки с парашютом, — признаюсь я. В первый раз я прыгнула на спор на первом курсе колледжа. Меня с моей всегдашней застегнутостью на все пуговицы привел в восторг такой отрыв от привычной действительности. Прыжки стали для меня наркотиком, природным источником кайфа. — Если бы ты отказался, это могло сильно испортить дело.

— Тогда я рад, что не отказался, — усмехается муж.

Я киваю, слыша в его словах и то, чего он не договаривает: что он не жалеет о годах, проведенных вместе.

— Ты уже давно не прыгала, — напоминает он.

Да, давно. С тех пор, как мы стали пытаться родить ребенка. После первого выкидыша Патрик просил, даже умолял меня поговорить, но я ответила, что говорить тут не о чем. Все мои мысли были только о том, как снова забеременеть, — это наверняка залечит все раны. Но каждая последующая неудача только больше и больше отдаляла нас друг от друга.

— Тебе бы снова этим заняться, — мягко говорит он. — Ты ведь так любила...

— Иногда одной любви мало, правда?

Мы оба знаем, что я говорю не о прыжках с парашютом. Он выпускает мои пальцы, и, хотя мне отчаянно хочется сжать его руку еще крепче, я не удерживаю его.

— Ты уже нашел квартиру?

Наш разрыв проходил поэтапно. После выскабливания Патрик стал спать в гостевой спальне. По выходным начал проводить время с приятелями или уезжать к родным во Флориду. Я спросила в открытую: мы что же, разводимся? Когда он ответил, что подыскивает себе отдельное жилье, еще один кусок моей души, и так уже державшейся на честном слове, оборвался, но я ничего не сказала.

— Да. — Ответ звучит так тихо, что я едва слышу. — В двух кварталах от тебя. С одной спальней. Субаренда на полгода, пока не подыщу что-нибудь постоянное.

Мне отчаянно хочется верить, что это из-за меня он решил поселиться поблизости, но логическое полушарие мозга говорит: так просто удобнее. От нашей нынешней квартиры можно пешком дойти до его работы и до всех наших любимых местечек. Интересно, буду ли я иногда встречать его в местном ресторанчике или в кафе, где бублики подают прямо из печи и владелец

уже знает, какие мы с ним любим. Патрик предпочитает слабо прожаренные с густым слоем сливочного сыра, а я...

— Джайя?

По его тону я понимаю, что он окликает меня уже не в первый раз.

— Извини. — Я потираю висок, надеясь, что это поможет собраться. — Задумалась на минутку. — И отворачиваюсь: не хочу, чтобы Патрик заметил то, что я хочу скрыть, — такие выпадения из реальности случаются все чаще и чаще. — О чем ты говорил?

— Ты родителям сказала? — Поколебавшись, добавляет: — Про нас.

— Сказала. — Я растираю одеревеневшую шею и поворачиваюсь к нему. — Звонила им на прошлой неделе. — Мысленно прокручиваю тот разговор в голове, глядя на медленно проплывающий мимо корабль. — Папа спросил, как я держусь, а мама промолчала.

— Джайя... — начинает Патрик, но я жестом прерываю его.

— Я съезжу туда в выходной. Все им объясню.

— Хочешь, я поеду с тобой? — Он пристально смотрит мне в глаза. — Помогу рассказать, чтобы они всё поняли.

Для моего отца Патрик был сыном, о котором тот всегда мечтал. Мама была с ним приветлива и, кажется, довольна нашим союзом, но держала с Патриком такую же дистанцию, как и со всеми остальными.

— Это ничего не изменит. — Да, он пытается облегчить мою ношу, но мы оба знаем: мамину отчужденность никакими силами не преодолеть. — Мама так и так откажется об этом говорить.

Губы у него сжимаются крепче, и я знаю: он сдерживается, чтобы не сказать то, что просится на язык. Трещина между нами пролегла и начала расти именно

тогда, когда мы стали пытаться завести ребенка. Патрик все глубже уходил в себя, а я после стольких лет ЭКО и проблем с вынашиванием стала нетерпеливой и раздражительной. Наши разговоры сводились к тому, какие новые шаги нам необходимо предпринять для зачатия. Потом, когда мы наконец дождались первой беременности, все стало по-прежнему, словно и не было месяцев разлада. Мы вместе радовались и мечтали о прибавлении в семействе. Однако через двенадцать недель случился выкидыш, и я была совершенно убита, а он будто перегорел внутренне. Горе затопило меня с головой, не оставив в душе места ни для Патрика, ни для нашего брака. Вот тогда-то и начался замкнутый круг, по которому мы потом прошли еще через два выкидыша.

Патрик встает и туже заматывает шею шарфом, словно перекрывая последний клапан для кислорода, которым мы когда-то дышали вместе.

— Я зайду за оставшимися вещами в воскресенье.

— Хорошо, буду дома. — У него пока еще есть свой ключ, но я киваю Патрику, словно гостю, который направляется на визит.

— Значит, увидимся.

Мне отчаянно хочется сказать «не уходи», но я не могу выговорить ни слова. Во рту пересыхает, и ни одна связанная фраза не идет на ум. Глаза щиплет, но слез нет. Я смотрю ему вслед, пока он не исчезает из виду. Только тогда отворачиваюсь и опять долго гляжу на бегущий Гудзон. Когда сгущается темнота и огни города начинают манить к себе, я пускаюсь в долгий путь домой.

2

В семь лет мне захотелось научиться кататься на велосипеде. Мама купила велосипед с дополнительными поддерживающими колесиками, но я их открутила. Ноги

едва доставали до педалей. День за днем я садилась в седло и день за днем падала. Наконец упала так, что на лице пришлось накладывать швы. После этого мама отобрала у меня велосипед и заперла в гараж. Я пыталась спорить, но она заявила, что мне придется или оставить эту затею вовсе, или сначала подрасти. Я не послушалась и тайком выкатила велосипед из гаража. На следующий день, пытаясь скатиться с холма, сломала руку и разбила губу. Мама тут же отдала велосипед соседям.

Когда я возмущенно спросила почему, она ответила: «Джайя, если что-то идет тебе во вред, иногда лучше всего с этим расстаться».

Я стою перед домом своего детства в широко раскинувшемся районе у самой городской окраины. Верчу в пальцах ключ, раздумывая, вставить ли его в скважину или позвонить в звонок. Наконец опускаю ключ в карман и дважды нажимаю на кнопку.

— Солнышко!

— Привет, папа, — бормочу я ему в плечо и чувствую, как по всему телу пробегает вибрация от его радостного смеха.

По дому плывут запахи лука и чеснока, смешанные с ароматом специй.

— Мама весь день готовит, да?

— Ей только повод дай. — Он приобнимает меня за плечи и ведет на кухню. — Все твое любимое приготовила. — Чуть поколебавшись, спрашивает: — Как ты, детка?

Из благодарности за его чуткость я улыбаюсь, но правды не говорю.

— Нормально, пап.

Все мое детство папа провел на работе, и даже когда был дома, ответственность за мое воспитание и ведение